

Глава 259: Пробуждение Обезьян Серебристой Луны.

Дочитав письмо до конца, Цзян Чэнь был уверен, что это, без всяких сомнений, почерк его отца.

Цзян Чэнь молча уставился на письмо в своих руках, испытывая смешанные чувства.

Когда он переродился в этом теле, то унаследовал все воспоминания предыдущего владельца, и потому всегда дорожил отеческой любовью.

И за эти два года после перерождения, после всего пережитого, отношения между отцом и сыном лишь окрепли.

Даже не будет преувеличением сказать, что место Цзян Фэна в сердце Цзян Чэня было ничуть не ниже, чем место Небесного Императора в его прошлой жизни.

Что же до матери, Цзян Чэнь всегда считал, что его мать больше не принадлежит этому миру, так что у него не было к ней никаких особых чувств.

Но теперь он вдруг узнал, что она на самом деле жива. И хотя Цзян Чэнь сильно опешил, но при этом совершенно ничего не почувствовал.

Тем не менее, Цзян Фэн без тени сомнения отправился на поиски своей жены, даже не представляя, где находится эта Высшая Восьмая Область.

Подобный уровень чувств и смелости заставил Цзян Чэня сильнее уважать своего отца.

И после прочтения письма, все сомнения, которые недавно начали одолевать Цзян Чэня, полностью исчезли.

Почему Цзян Фэн давал своему сыну полную свободу? Почему он не был столь же строг, как другие отцы?

А всё потому, что он чувствовал себя виноватым перед своей женой.

Почему Цзян Чэнь не смог ощутить никакого отклика родословных у себя и Сюэ Туна?

А всё потому, что мать Цзян Чэня и мать Сюэ Туна вовсе не были сёстрами. Мать Цзян Чэня обладала причудливым происхождением, как-то связанным с Высшей Восьмой Областью.

Звучало так, словно это место намного сильнее, чем союз шестнадцати королевств.

По письму отца Цзян Чэнь мог отчётливо заметить, что Цзян Фэн уходил с твёрдым намерением умереть.

Если Цзян Фэн не найдёт мать, то Цзян Чэнь был уверен, что больше никогда не увидит отца.

Отец неоднократно предупреждал Цзян Чэня не идти за ним.

Очевидно, что эта Высшая Восьмая Область вовсе непростое место. Цзян Фэн не уверен, что там безопасно, потому не хотел, чтобы его сын погиб там.

Цзян Фэн даже дошёл до того, что угрожал Цзян Чэню самоубийством, намекая на то, что у него будет совсем мало шансов выжить там.

«Отец, ты действительно сильно озадачил меня.»

Цзян Чэнь сложил письмо, и взмахнув руками, превратил его в пыль.

Поскольку его отец всегда хранил информацию о матери в строжайшей тайне, Цзян Чэнь, естественно, не хотел, чтобы кто-либо об этом узнал.

– Юный господин, куда ушёл герцог? Он упомянул об этом в письме? – увидев столь серьёзное выражение лица Цзян Чэня, Сюэ Тун был как на иголках. Он чувствовал свою вину за это.

Может, было бы лучше, если бы он сразу же доложил юному господину об этом?

Цзян Чэнь, слабо вздохнув, ответил:

– Отец ушёл очень в далёкое место и вернётся нескоро. Сюэ Тун, в этом нет твоей вины. Всё, а теперь можешь идти.

Увидев такого поникшего Цзян Чэня, Сюэ Тун начал корить себя ещё сильнее.

Цзян Чэнь понимал, что Сюэ Тун слишком высоко ценил эти отношения. И потому, каждое движение и жест Цзян Чэня могли сильно повлиять на настроение Сюэ Туна.

Однако, Цзян Чэнь действительно не винил Сюэ Туна. Отец, очевидно, принял твёрдое решение уйти. И даже если бы ему не удалось уйти в этот раз, он бы ушёл позже.

Твёрдо захотев уйти, Цзян Фэн мог сделать это в любой момент.

В этом нет вины Сюэ Туна или ещё кого.

Во всём виновна сильная любовь мужа к своей жене. Это невообразимая сила, которая заставила отца Цзян Чэня отправиться в неизвестность.

Эта сила была такой неугасимой, что даже возведи Цзян Чэнь десять стен, это всё равно бы не остановило его отца.

И решение Сюэ Туна, как капитана его личной гвардии, не прерывать его уединённую тренировку, было, несомненно, верным.

И хотя теперь Цзян Чэнь узнал, что Сюэ Тун на самом деле не его двоюродный брат, и даже вообще не родственник, это никак не повлияло на отношение Цзян Чэня.

И если забыть о том факте, что он переродился в чужом теле, оставив при себе воспоминания о прошлой жизни, он и прежде никогда не придавал большого значения кровным узам.

Он ценил Сюэ Туна потому, что уважал его личные качества и потенциал.

Это то же самое, почему Цзян Чэнь заботился о Цзян Юе. Хотя они и были связаны кровными узами, но, по большей части, Цзян Чэнь помогал ему потому, что у них были дружеские отношения. Это такие отношения, которые разжигают чувства в Цзян Чэне.

Можно даже сказать, что в этом основная причина, почему у него сложились столь близкие отношения со своим отцом.

Если сразу после перерождения Цзян Чэня, Цзян Фэн был довольно равнодушен к нему, то

подобное отношение Цзян Чэня сильно повлияло на его отца.

Но не смотря на всё, когда Цзян Чэнь переродился, его отец уже был готов пойти войной на Восточного Лу.

Это была столь сильная отцовская любовь, что вызвала сильную бурю в душе Цзян Чэня, отчего он, отринув все оговорки, быстро принял Цзян Фэна в качестве своего отца в текущей жизни.

Всё потому, что в прошлой жизни, что в настоящей, оба отца Цзян Чэня были из одного теста, и их любовь столь же огромна и непоколебима, как сами горы.

«Если бы меня попросили назвать одну вещь, существующую в мирском и небесном мирах, которую не могли бы точно охарактеризовать ни сами боги, ни люди, то моим ответом, вероятно, была бы “Любовь”?»

Искренние чувства мужа к своей жене.

Любовь отца к своему сыну.

Подобные искренние чувства и любовь были связующим звеном между людьми, которое передавалось по наследству, как на небе, так и на земле.

Если бы у неба были чувства, то оно бы тоже состарилось.

Неужели именно “Любовь” стала причиной развала небес и разрушения порядка?

Наконец, решив сдержать свой порыв броситься за отцом, Цзян Чэнь слабо вздохнул, грустно улыбнувшись.

Со знанием своего отца, Цзян Чэнь полагал, что тот действительно мог совершить самоубийство, если обнаружит, что Цзян Чэнь пошёл вслед за ним.

И это вовсе не потому, что якобы Цзян Фэн был жесток и упрям, нет, всё как раз из-за той самой сильной любви к своему сыну и нежеланию втягивать сына в эту опасную авантюру.

«Отец был предельно откровенен в своём письме. Он сказал мне не искать его до тех пор, пока я не повзрослею и не стану значительно сильнее, достигнув великого совершенства. Однако, границы этого великого совершенства довольно размыты.»

Цзян Чэнь вдруг ощутил острую нехватку времени. Скорее всего, великое совершенство – это достижение сферы истока.

Разве это не значит стать сильнее в глазах его отца?

«Отец, хотя у меня и нет особых чувств к матери, твоя непоколебимая любовь к ней заставила меня ещё сильнее захотеть найти тебя. И раз ты так беспокоишься обо мне, я буду уважать твои желания. Если ты не вернёшься до того, как я достигну великого совершенства, то у тебя нет причин отказывать мне в твоих поисках!»

Подумав всё это, у Цзян Чэня сразу же полегчало на душе.

Где бы ни находилась эта Высшая Восьмая Область, отец точно не сможет быстро добраться до неё. Кроме того, даже если прибудет туда, ему будет невероятно трудно отыскать там мать Цзян Чэня без всяких зацепок.

Цзян Чэнь верил, что с характером его отца, тот не станет вести себя нагло.

Ведь его цель – найти свою жену, а не самоубийство.

После всех этих мыслей, беспокойство Цзян Чэня об отце немного поутихло.

Он понимал, что с тяжким грузом на сердце его отца, его осторожностью и способностью сносить унижение, он будет держат себя в рамках.

И пока он ведёт себя сдержанно, избегая неприятностей, то его жизни не должно что-либо угрожать.

Столь внезапный отъезд его отца, заставил Цзян Чэня обрести сильное чувство срочности.

Он должен был быстро повышать свою силу, чтобы достичь требование отца о великом совершенстве как можно скорее.

Чем дольше он мешкает, тем выше опасность для его отца, когда тот бросит вызов Высшей Восьмой Области.

В этом мире, Цзян Чэня волновала судьба лишь немногих людей. Но среди них, его отец, несомненно, был на первом месте по важности среди небезразличных ему людей.

– Юный господин.

Цзян Чэнь находился в глубокой задумчивости, когда позади него раздался немного робкий голосок.

Этот человек мелкими шажками приблизился к нему со спины, но только услышав голос, Цзян Чэнь сразу же определил, что это была его робкий последователь Вэнь Цзыци.

– Что такое, Цзыци? – Цзян Чэнь всегда был с ней вежлив и мягок, прекрасно зная, что её было очень легко смутить.

Несколько оттенков красного действительно покрыло щёки Вэнь Цзыци. В этой робости было несколько намёков на панику, словно у ребёнка, который в чём-то провинился. Она нерешительно стояла в стороне, беспомощно теребя руками уголок одежды.

– Юный господин, кое-что... Кое-что произошло. Вы сказали мне ухаживать за двумя Обезьянами Серебристой Луны, но из-за некомпетентности Цзыци они... Они...

– Что они? – улыбнулся Цзян Чэнь, – Не нужно так нервничать, это лишь два маленьких духовных зверя. Успокойся и медленно расскажи, что случилось.

Вэнь Цзыци положила руку на грудь, пытаясь успокоиться.

– Вчера они узнали, как драться, и начали нападать друг на друга. Я не обратила на это особого внимания, поскольку я думала, что они так играют, но... Но теперь...

– И что теперь? – глаза Цзян Чэня заблестели, – Они начали драться более яростно?

– Э? Юный господин, откуда вы узнали? – остолбенела Вэнь Цзыци.

– Замечательно, похоже, они наконец-то начали пробуждаться. Бой! Чем яростнее, тем лучше!

Обезьяны Серебристой Луны с рождения не могут сосуществовать в гармонии.

Цзян Чэнь улыбнулся:

– Цзыци, день, когда лишь одна Обезьяна останется в живых, станет днём, когда ты достигнешь чего-то великого!

– Э?! – Вэнь Цзыци и подумать не могла, что отношение Цзян Чэня к этой новости будет таким. Она уже мысленно корила себя, беспокоясь за свои личные выгоды и потери, и боялась, что юный господин обвинит её в ненадлежащей заботе об Обезьянах.

Вот только она даже не подозревала, что эти Обезьяны были духовными зверьми, которые ставили себя превыше других.

На одной горе двум тиграм не жить. Эта поговорка хорошо подходит и к этим Обезьянам.

В итоге, из всего выводка Обезьян, выживал лишь один. Если же там присутствовал противоположный пол, то в конце оставались самец и самка.

Обезьяны Серебристой Луны никогда не могли сосуществовать с сородичами одного пола.

Землёй будет владеть лишь сильнейшие Обезьяны, и никогда не позволят другим из их вида жить здесь.

Даже когда дети подрастают, он всё равно бросят вызов своим родителям в борьбе за власть, пока один из них не умрёт!

И хотя подобный закон выживания казался невероятным, это был закон, по которому жили многие расы этого мира.

Не только Обезьяны делали это, но и многие другие виды.

– Ладно, пойдём взглянем на них! – узнав, что Обезьяны начали пробуждаться, Цзян Чэнь полностью забыл о недавней подавленности из-за ухода отца.

Все эти дни, которые он откармливал Обезьян различными духовными лекарствами, наконец, окупались.

Двое детёнышей заметно подросли, став в два раза больше, чем были раньше.

Они нападали друг на друга столь яростно и безжалостно, как никогда прежде.

Очевидно, что их врождённая натура и родословная постепенно начали пробуждаться, и они уже начали бороться за своё выживание и власть.

Таков был закон их выживания, их неотвратимая судьба.

С тех пор, как их родословная пробудилась, они перестали быть братьями, став смертельными соперниками.

На самом деле, такого понятия, как братская любовь, не существовало у большинства духовных зверей.

...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/27/106252>